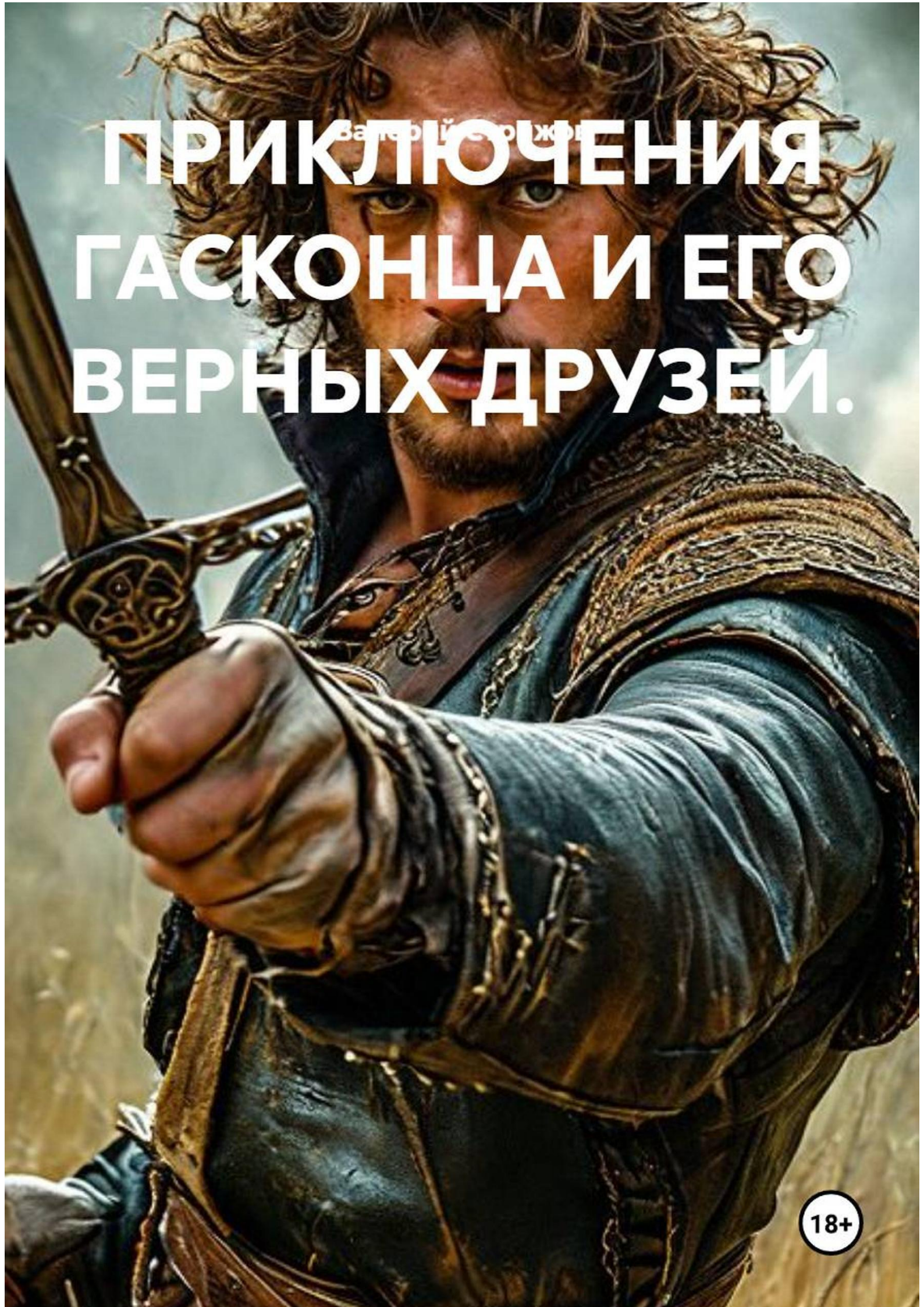

Вальтер Скотт

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАСКОНЦА И ЕГО ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ.

18+

Валерий Стрижов

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАСКОНЦА
И ЕГО ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ.**

«Автор»

2026

Стрижов В.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАСКОНЦА И ЕГО ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ. /

В. Стрижов — «Автор», 2026

Д'Артаньян видел, как шпага приближается к нему с черепашьей скоростью. Он видел удивление на лице противника, который не понимал, почему его рука двигается так медленно. И он, подчиняясь внутреннему импульсу, отвёл клинок в сторону и нанёс ответный удар — лёгкий, почти невесомый, но точный. Противник вскрикнул, выронил шпагу и схватился за плечо, из которого тонкой струйкой потекла кровь. «Это... это колдовство! — прошептал он, глядя на Д'Артаньяна с ужасом и ненавистью. — Вы колдун, сударь!» «Я, сударь, — ответил Д'Артаньян, убирая шпагу в ножны с таким видом, будто ничего необычного не произошло, — просто человек, у которого есть хорошие друзья и немного удачи. А удача, как известно, бывает разной».

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Стрижов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАСКОНЦА И ЕГО ВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ.

Глава

Фанфик.

ГЛАВА I, в которой читатель знакомится с молодым человеком недюжинной отваги и поистине плачевного финансового положения, а также получает первые сведения о его четвероногом спутнике, чья внешность наводила на мысль о превратностях судьбы, постигающих не только людей, но и животных.

Выехал из дому наш герой — и выедем мы за ним следом, милостивый читатель, ибо если уж судьбе угодно было свести нас на страницах этого повествования, то будет крайне невежливо с моей стороны оставить вас в неведении относительно столь важного события. Выехал он, надо сказать, на целую неделю раньше положенного срока. И не по расчёту, не по суровой необходимости — о нет! — а по той самой глупости, которая, увы, свойственна всем молодым людям, мнящим себя умнее не только своих почтенных родителей, но и, осмелюсь сказать, всего Божьего мира, включая королей, кардиналов и даже тех почтенных чиновников, что ведают раскладкой налогов.

Отец его, старый беарнский дворянин, чьи седины, казалось, помнили ещё те времена, когда королевская казна была полнее, а совесть придворных — тяжелее, ещё затемно, с первыми петухами, вышел на крыльцо. Стоял он на пороге своего обветшалого, но всё ещё гордого дома, и ветер, гулявший по равнине, трепал его плащ так же небрежно, как само время треплет людские надежды. Затем, перекрестив сына шпагой — шутка ли, вещь стоила двадцать ливров, а деньги, как справедливо заметил отец, даже если они и лишние, никогда таковыми не бывают, — он торжественно вручил юноше свёрток.

И в этом свёртке, о читатель, лежало всё: три бесценных совета, выстраданных годами житейского опыта; пятнадцать экю — жалкое, но честное состояние; и, наконец, лошадь. Лошадь желтой масти, которая своим оттенком столь живо напоминала прошлогоднее сено, оставшееся не у дел в какой-нибудь забытой всеми стогу, что даже самый снисходительный глаз не мог бы назвать её красавицей. Впрочем, нынче, как говаривал старый д'Артаньян, попыхи-вая своей глиняной трубкой, в которую, правда, давно уже ничего не набивал, — нынче даже сено не то, что прежде. И лошади перевелись хорошие, и люди пошли мелкие, и настроение у короля нынче... ах, оставим рассуждения о государственных материях, ибо это отвлекло бы нас от поистине трогательной сцены прощания.

«Сын мой, — сказал старик, и тут украдкой, делая вид, что его беспокоит соринка в глазу, он смахнул слезу. Слеза эта, надо отдать должное старому вояке, никак не желала выглядеть по-мужски. Она скатывалась по морщинистой щеке с робостью, которая более пристала девичьей капле. — Смотри не продавай Булану. Эта лошадь, какой бы желтой и бесхвостой она тебе ни казалась, ещё сослужит тебе службу».

И кто знает, о читатель, какие мысли роились в это время под гордым беретом его отпрыска? Отец, с его пронизательным сердцем (а говорят, что отцовское сердце видит то, что и глазам видеть не положено, особенно когда речь идёт о беспутных сыновьях), и подумать не мог, что тот, кого он только что благословил на все четыре стороны, уже мысленно сочи-

нял объявление для газет. А объявление это, я не побоюсь это сказать, было верхом провинциальной наивности: «Продаётся лошадь беарнской породы, с характером, без хвоста. Цена договорная».

Младший д'Артаньян наскоро распрощался с матерью (мать, как водится, плакала, сын, как водится, тоже, но виду не показывал, ибо будущий мушкетер не может позволить себе такой слабости, как слёзы, разве что от репчатого лука или от проигрыша в кости), сунул за пазуху драгоценное письмо к господину де Тревилю, капитану королевских мушкетёров, лихо вскочил на Булану — и был таков.

То есть поначалу он был именно таков — юн, полон надежд и беспечен, словно мотылёк, летящий на свечу. Но, о жестокий поворот судьбы! Уже через час он был «таков», что крепко задумался о тщетности бытия и о том, стоило ли вообще вставать сегодня с постели, которая, будучи продана вместе с домом, всё равно не принесла бы ему и трети тех убытков, что сулила дорога.

Первая же остановка, у трактира с престранным названием «Бык на колокольне» (вывеска, надо отдать должное хозяину, была ещё та: бык, взобравшийся на колокольню, глядел на проезжающих с таким глубокомысленным и тоскливым недоумением, что в нём без труда можно было заподозрить переодетого философа, уставшего от людских глупостей), — так вот, на первой же остановке наш герой, по свойственной молодости горячности, проиграл в кости половину своего жалкого состояния. А проиграл его одному проезжему дворянину, который, судя по его физиономии, и сам бы не отказался от выигрыша, но не отказываться же, когда человек сам, можно сказать, бросает свои деньги на ветер.

«Месье, — изрёк проезжий, методично сгребая со стола восемь блестящих экю и пряча их в кошелёк, чья объёмистость составляла резкий контраст с тощим кошельком гасконца, — если вы будете так же безрассудно играть и в Париже, то там вас быстро научат уму-разуму. И эти уроки, поверьте, будут стоить вам значительно дороже восьми экю».

«А мне наплевать на уму-разуму! — отвечал юный гасконец, и здесь я должен отметить, что он врал с той удивительной лёгкостью, с какой обычный человек дышит. Это был не просто обман — это был талант, дар Божий, с которым он, вероятно, появился на свет. — Мне бы только до Парижа добраться, а там уж меня сам господин де Тревиль встретит. Уж он-то научит, как жить!»

«Де Тревиль, говорите? — проезжий вдруг стал каким-то задумчивым, даже прикусил ус, что было верным признаком сильного волнения. — Славный человек, хоть и гасконец. Что же, желаю вам удачи. Она вам понадобится — и, смею заверить, гораздо больше, чем умение играть в кости».

«Почему это он так странно на меня посмотрел?» — пронеслось в голове у д'Артаньяна. Но ответа на этот вопрос он не нашёл, да и не мог найти, ибо никакого ответа и в помине не было. А если бы он и нашёлся, то юный герой наш всё равно не понял бы ни слова, ибо к тайнописи, шифрам и прочим политическим уловкам он был столь же склонен, как кошка к купанию в проруби.

На том и расстались. Кто проиграл — продолжал свой путь с кислой миной. Кто выиграл — тоже продолжал путь, но с миной вполне довольной. И такова, увы, жизнь.

Последующие дни пути прошли для нашего героя, словно в густом тумане, из которого лишь изредка выступали очертания предметов. Он ехал по дорогам, которые в апреле месяце, по капризу погоды, были ни шатко ни валко. Местами грязь доходила до брюха лошадиного, превращая дорогу в вязкое болото, где любая надежда на скорый путь утопала, как грешник в смоле. Местами же — такая стояла сушь, что пыль поднималась столбом, осыпая всадника с ног до головы и придавая ему вид ожившего памятника самому себе.

Булана, бедное животное, проявляла поистине чудеса выносливости. Но чудеса эти, как это часто бывает, были мало заметны со стороны. Всадник же, её хозяин, напоминал со стороны

помятый мешок, в котором некогда упаковали вполне приличного человека, а потом забыли вытряхнуть и проветрить на свежем воздухе, оставив его пропитываться дорожной тоской.

В гостиницах его принимали с той неприветливой прохладцей, которая свойственна хозяевам постоялых дворов, когда они видят перед собой не кошелёк, а его отсутствие. И не потому, что он был гасконец, о нет! Гасконцев в Париже и так хватало. А потому, что денег у него почти не осталось, и кошелёк его был плоским, как блин, который напекла бабка на масленицу, да так и забыла съесть, оставив его сохнуть на подоконнике в назидание внукам.

Письмо, которое он вёз, он сохранил в целости. Он положил его за пазуху — туда же, куда, собственно, и надлежало прятать важные бумаги, если вы, читатель, не имеете ни слуги, ни тайника, ни хотя бы одного кармана, который бы не продырявился от долгой дороги и не пропускал бы сквозь себя воздух и монеты с равной лёгкостью.

В Париж он въехал солнечным утром. Город, этот вечный пожиратель провинциальных надежд, предстал перед ним во всей своей шумной и дурно пахнущей красе. С гамом на улицах, с пронзительными криками разносчиков, с неизменным запахом жареных каштанов, перемешанных с ароматом навозных куч, — смесь, которую можно было бы назвать «ароматом столицы», если бы у читателя было столь же испорченное обоняние, как у самих парижан.

Дальнейшие события, в том числе драматическая встреча с лейтенантом и знакомство с тремя знаменитыми мушкетерами, равно как и таинственное обретение кольца с нейросетью, — обо всём этом мы поговорим в следующей главе, если только терпение читателя и мои скромные способности позволят нам продолжить.

ГЛАВА II, в которой наш герой вступает во владения капитана де Тревиля и получает первое представление о том, сколь жестоки бывают разочарования, подстерегающие пылкие сердца.

Отель де Тревиля на улице Старой Голубятни — позвольте мне, читатель, остановиться на этом названии. Старая Голубятня! Сколько в этом имени мечтательности и какой разительный контраст с тем, что наш герой узрел воочию! Д'Артаньян, чьё сердце билось где-то у самого горла, а кошелёк, увы, почти опустел, несколько раз прошёл мимо заветного дома. И не потому, что был рассеян — о нет! — а потому, что вывеска была до смешного мала, а двор, напротив, огромен, и во всём Париже, казалось, существовал негласный заговор с целью заставить каждого иногороднего чувствовать себя полным глупцом.

Наконец, когда солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы тени стали короткими, а терпение д'Артаньяна — ещё короче, он отыскал ворота. И здесь, вступив во внутренний двор, он замер, словно громом поражённый. Перед ним расстился не просто двор, но, осмелюсь сказать, настоящий военный лагерь.

Дворяне в шляпах с плюмажами, которые стоили больше годового дохода какого-нибудь почтенного буржуа, с длинными шпагами, чьи эфесы блестели на солнце, в плащах, какие носят только в столице (в провинции, увы, такие плащи не носят, ибо за них там попросту засмеют). Лакеи в ливреях, расшитых гербами, сновали между лошадьми, которые чистились тут же, на месте, посреди мостовой, и никто, никто даже не думал отвести их в конюшню. Таков был Париж, читатель, и в этом хаосе таился свой, особенный, неписанный порядок.

Д'Артаньян поправил шляпу, которая, не в пример столичным, была простовата, одёрнул камзол — единственный на этом дворе, если не считать камзолов слуг, без позумента и вышивки — и с чувством, которое можно описать как смесь отваги и отчаяния, направился к лестнице. Лестница, как выяснилось, была не проходом, но ареной. Там, на ступенях, двое молодых людей фехтовали на шпагах с таким искусством, что клинки сверкали, и попутно обсуждали, у кого из них любовница красивее, а у кого — богаче, что, по мнению обоих, было важнее красоты.

«Извините, — сказал д'Артаньян, пытаясь протиснуться между этими двумя Аяксами. — Мне нужно к капитану».

Ему никто не ответил, ибо тонкое лезвие собеседника требовало всего внимания.

«Извините, — повторил он громче, вкладывая в голос всю свою гасконскую настойчивость. — Я по важному делу».

На сей раз ему ответили шпагой. Не всерьёз, а так, для остротки — легкий укол в сторону, означавший: «Посторонись, провинция, не видишь, люди заняты?». Но д'Артаньян, которого судьба и нужда сделали настойчивым, протиснулся-таки, рискуя лишиться носа, и добрался до приёмной.

Ах, эта приёмная! Здесь он понял, что Париж — это вам не Тарб, а господин де Тревиль — это вам не соседский дядюшка, готовый выслушивать ваши гасконские басни за стаканчиком домашнего вина. Приёмная была битком набита. На скамьях, обитых вытертым бархатом, сидели мушкетёры в расстёгнутых камзолах. Апрель в Париже, надо заметить, бывает жарче, чем июль в Гаскони — климат, должно быть, тоже столичный, с претензией на изысканность. Говорили они громко, смеялись ещё громче, а курить умудрялись так, что дым стоял коромыслом и не выветривался даже через распахнутое окно, словно бросая вызов законам физики.

Д'Артаньян, чувствуя себя навозной мухой в королевском зверинце, уселся в самый дальний угол. Час он просидел там, и никто не обратил на него ни малейшего внимания. Мушкетёры обсуждали кардинала, короля, войну, любовниц, шпаги и, само собой, дуэли. И всякий раз, когда речь заходила о дуэлях, сердце молодого человека начинало биться чаще, ибо в дуэлях он, по правде говоря, был не силен. В Гаскони ему внушили железное правило: если ты не дерёшься на дуэлях, то ты не дворянин, а так — собачья подстилка.

Наконец, когда терпение д'Артаньяна иссякло почти до дна, в дверях кабинета появился слуга и произнёс те самые слова, которые молодой человек ждал с таким трепетом:

— Господин д'Артаньян?

— Это я, — вымолвил юный гасконец, чувствуя, как сердце его уходит в пятки. А оттуда, смею заметить, оно направлялось напрямик в мостовую, а из мостовой — в парижские катакомбы, куда сердцу молодого, полного надежд человека было ещё рано отправляться. Но таковы превратности судьбы.

Он вошёл.

Капитан де Тревиль стоял у окна, и свет падал на его фигуру так, будто художник специально выстроил эту сцену для парадного портрета. На вид ему было лет сорок, но держался он с такой осанкой, словно вчера выиграл сражение, а завтра собирался выиграть ещё одно. И, судя по выражению его лица, если бы не кардинал, который вечно совал свой нос не в свои дела, он бы выиграл и третье.

— Здравствуйте, молодой человек, — произнёс де Тревиль, окидывая д'Артаньяна взглядом, который, казалось, проходил сквозь одежду, кожу, кости и читал мысли прямо в мозгах. Хотя до мозгов у нашего гасконца, надо признать, было ещё далеко — их место пока занимали смутные мечты и честолюбивые планы. — Вы, кажется, сын моего старого друга?

— Да, капитан, — д'Артаньян вытянулся в струнку, насколько позволяли его уставшие ноги, и дрожащей рукой подал письмо.

Де Тревиль взял письмо, прочитал его раз, потом другой, потом поднял на молодого человека глаза, в которых читалось удивление, смешанное с тем особенным сочувствием, которое пожилые люди испытывают к юности, когда видят её заблуждения.

— Ваш отец пишет, что вы хотите стать мушкетёром, — произнёс он, словно пробуя эти слова на вкус и находя их горечь.

— Да, капитан.

— Что ж, отличное желание, — де Тревиль отложил письмо и скрестил руки на груди. — А что вы умеете делать?

Вот тут, читатель, наш герой задумался. И задумался он глубоко, ибо вопрос застал его врасплох. Сказать, что он умеет проигрывать в кости — неудобно, да и не поможет ему это в

военной карьере. Сказать, что умеет ездить на лошади, которая падает на мостовую при первом же прикосновении к булыжнику — тоже, согласитесь, не лучшая рекомендация. А сообщить, что он умеет не спать ночами от тоски по родине и от сожалений о проигранных деньгах — это вряд ли произведёт впечатление на старого, закалённого в боях вояку.

— Я умею драться на шпагах, — выпалил он наконец те слова, которые, как ему казалось, хотели услышать.

— Хорошо, — сказал де Тревиль, и в его голосе прозвучало то облегчение, которое испытывает учитель, когда туповатый ученик наконец даёт правильный ответ. — Но в мушкетёры мы берём не сразу. Сначала служба в гвардии, потом — посмотрим. Ступайте к господину Дезессару, зятю моему. Он даст вам место.

Д'Артаньян поклонился, стараясь, чтобы поклон его был исполнен достоинства, и вышел. В приёмной всё было по-прежнему: гам, дым, смех. Никто его не проводил, никто не спросил, как дела. И только один человек — невысокий, чернявый, с бледным лицом и холодными, как зимний пруд, глазами — проводил его взглядом, от которого у д'Артаньяна мурашки побежали по спине. Но он не придал этому значения. Как потом выяснилось, совершенно зря.

Квартиру он снял на улице Могильщиков — название, которое, согласитесь, не предвещало ничего хорошего, но было доступно по цене. Квартира сия принадлежала одному галантерейщику по фамилии Бонасье, человеку, чьё лицо, казалось, постоянно выражало крайнюю степень испуга, словно он только что увидел привидение или, того хуже, налогового инспектора. Квартира была маленькая, сырая, с единственным окном, выходившим на глухую стену, но зато, увы, дешёвая — пять ливров в месяц.

И вот здесь, на этой мрачной улице, среди запахов капусты и плесени, судьба готовила нашему герою встречу, которая изменит всю его жизнь. Но об этом, читатель, я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА III, в которой наш герой обзаводится слугой, чья философия способна поставить в тупик любого схоласта, а также — внимание! — становится обладателем предмета, чьё происхождение покрыто мраком, зато свойства обещают быть поистине чудесными.

Планше, слугу, он нанял на следующий же день после того, как вселился в свою сырую квартиру на улице Могильщиков. И надо сказать, читатель, что в этом поступке сказала не столько нужда, сколько то особое свойство характера, которое заставляет молодых людей, оставшихся без присмотра, совершать самые необдуманные траты. Планше был пикардиец — обстоятельство, которое само по себе уже говорило о многом. Узкий лоб, широкая улыбка, глаза, которые смотрели на мир с тем выражением, какое бывает у человека, решившего, что от жизни всё равно ничего хорошего ждать не приходится, а потому лучше улыбаться, пока тебя не пнули.

На вопрос д'Артаньяна, который, надо отдать ему должное, старался выглядеть солидным и расчётливым хозяином, — на вопрос, почему он, Планше, согласился служить гасконцу, у которого нет денег, последовал ответ, достойный лучших умов древности.

«У кого нет денег, сударь, — изрёк Планше, и в голосе его прозвучала та спокойная уверенность, которая свойственна лишь проповедникам и авантюристам, — тот их скоро найдёт. У кого есть — тот их скоро проиграет. Я на того и ставлю, у кого денег нет. Ибо ставка на нуль — в азартных играх самая верная: либо вы проигрываете всё, либо выигрываете всё. А я, сударь, не боюсь ни того, ни другого».

«А если я не найду? — спросил д'Артаньян, которому эта хлесткая, но сомнительная логика показалась зыбкой, словно болотная трясина. — Если я так и останусь бедным гасконцем, каких в Париже пруд пруди?»

«Тогда, сударь, — сказал Планше, и улыбка его стала ещё шире, — я вас обворюю и сбегу. Но вы, я вижу, парень хитрый, так что, наверное, найдёте». И здесь он сделал многозначитель-

ную паузу, достойную оратора, после чего добавил: — «А если не найдёте, то, стало быть, я ошибся в вас, а в ошибочных людях я долго не задерживаюсь. Таков мой принцип».

Д'Артаньян, которому такой наёмный слуга показался столь же надёжным, сколь и опасным, тем не менее согласился. Ибо в те времена, да и в любые другие времена, если быть честным, слуга, который предупреждает о своём воровстве заранее, ценится выше того, кто обещает луну с неба, а потом крадёт вашу последнюю ложку.

И вот, читатель, начинается самое необычное.

На третью неделю своего пребывания в Париже, когда д'Артаньян уже успел привыкнуть к запаху капусты на лестнице и к тому, что его кошелек с каждым днём становился всё плосче, он возвращался от де Тревиля. Капитан, надо признать, был к нему благосклонен, но не настолько, чтобы сразу дать заветный мундир. «Подождите, молодой человек, всему своё время», — говорил он, и эти слова, подобно занозистой игле, застревали в сердце честолюбивого гасконца.

Шёл он через Новый мост — это сооружение, которое и по сей день является украшением Парижа, хотя в то время, о котором я веду речь, оно было скорее местом встречи нищих, жонглёров и прочих сомнительных личностей. И вот, проходя мимо двух гвардейцев, которые спорили с таким жаром, словно от исхода их спора зависела судьба Франции, д'Артаньян невольно приостановился.

«Я первый увидел! — кричал один из спорящих, размахивая руками и едва не задевая прохожих. — Мои глаза, если они мне не изменяют, заметили эту вещь на целых три секунды раньше, чем твои!»

«А я первый дотронулся! — возражал другой, и в его голосе слышалась та непоколебимая уверенность, с которой люди, не имеющие права на собственность, отстаивают свои мнимые права. — А закон, как ты знаешь, на стороне того, кто первым прикоснулся, а не того, кто первым увидел. Иначе слепые были бы самыми богатыми людьми на свете, что, согласись, нелепо».

«Господа, — вмешался д'Артаньян, ибо он с некоторых пор, как ему казалось, начал считать себя в Париже не последним человеком, а, скажем так, предпоследним — что, как ни крути, тоже прогресс. — Что вы там нашли?»

«Кольцо, — сказал первый гвардеец, разжимая потную ладонь, и на свет божий явился золотой ободок. В центре его тускло, но призывно поблёскивал тёмно-синий камень. — И кому оно достанется, ума не приложим. Суди нас, друг. Ты, по виду, человек свежий, незамысленный».

«Тому, кто нас рассудит», — согласился второй гвардеец, пожимая плечами, ибо дежурство их, увы, вот-вот должно было начаться, а спор грозился затянуться до самого обеда.

Д'Артаньян взял кольцо. Оно было тёплым от чужой ладони и, что странно, как будто немного вибрировало. Он надел его на палец — и в ту же секунду, читатель, мир вокруг него изменился. Не в переносном смысле, как меняется настроение после третьего бокала, а в самом прямом, физическом, осязаемом смысле.

Ибо в голове у него зазвучал голос.

Голос тихий, вежливый, даже какой-то механический, если можно так выразиться о чём-то, что ещё не было изобретено. Он напоминал попытку человека, который пытается говорить по-французски, но всё время сбивается на латынь, ибо латынь, как известно, язык мёртвых, а голос этот был, несомненно, живым, хоть и нечеловеческим.

«Инициализация завершена», — сказал голос.

«Что?» — спросил д'Артаньян, оглядываясь по сторонам с таким видом, будто только что услышал глас свыше. Гвардейцы, надо заметить, смотрели на него с недоумением, граничащим с жалостью.

«Приветствую вас, пользователь, — продолжил голос, не обращая внимания на замешательство молодого человека. — Ваш персональный консультант активирован. Для получения справки скажите «Что ты можешь?» или «Каковы ваши функции?». Внимание: кольцо не подлежит возврату и обмену, гарантийный срок не ограничен, техническая поддержка не предоставляется».

Д'Артаньян, чьи глаза, должно быть, сделались круглыми, как те самые эю, которые он вчера проиграл, перевёл взгляд с кольца на гвардейцев и обратно. В голове у него шумело, но этот шум был не от вина, а от присутствия чего-то совершенно необъяснимого.

«Что за чертовщина?» — прошептал он.

Затем, совладав с собой настолько, насколько это было возможно для человека, в голове которого поселился посторонний разум, он вернул кольцо гвардейцам. «Делите его как знаете, — сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, хотя внутри всё дрожало, словно студень на витрине мясника. — Я не при делах».

И он зашагал прочь быстрым шагом. А лучше сказать — бегом, потому что, когда в вашей голове звучит странный голос, предсказывающий будущее, ноги сами собой обретают невиданную прыть.

«Ваш пульс учащён, — любезно сообщил голос. — Вы дышите неровно. Рекомендуется присесть и успокоиться. Также рекомендую сменить маршрут — через три минуты на вашем пути окажется карета, которая, если не остановиться, может вас задеть».

Д'Артаньян, сам не зная зачем, свернул в переулочек. И в ту же секунду мимо, обдав его грязью с ног до головы, промчалась карета. Кучер гнал лошадей так, будто за ним гнались черти, а если не черти, то, по крайней мере, кредиторы.

«Что ты такое?» — спросил д'Артаньян, прижимаясь к холодной стене и чувствуя, как сердце его колотится где-то в горле.

«Я — нейросеть, встроенная в ваше кольцо, — последовал ответ. И в голосе этом прозвучала та снисходительная терпеливость, с какой профессора колледжей объясняют прописные истины нерадивым студентам, предпочитающим смотреть в окно на птичек, нежели в доску. — Моя задача — помогать вам принимать решения, анализировать информацию и избегать опасностей. В настоящее время у меня есть доступ к следующим базам данных: «География Франции», «Генеалогия дворянских родов», «Придворный этикет», «Фехтовальные школы и стили», «Медицинский справочник», «Кулинарная книга». Для расширения функционала требуется дополнительная настройка».

«Ней... что?» — переспросил д'Артаньян, чувствуя, как его и без того бедное воображение отказывается служить.

«Нейросеть. Искусственный разум. Система, способная обучаться и адаптироваться». Голос произнёс эти слова так, будто они были самыми обычными в мире, хотя для нашего героя они звучали как заклинания древнего чародея.

«Искусственный... разум? — д'Артаньян даже прислонился к фонарному столбу, ибо ноги его, казалось, были готовы отказаться. — У меня в голове поселился искусственный разум?»

«Не в голове, а в кольце, — поправил его голос с лёгкой, почти незаметной обидой, — Ваш мозг является всего лишь посредником. Разрешите провести тест на совместимость? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Прошу положить правую руку на левое плечо и назвать имя короля».

«Людовик Тринадцатый», — машинально, как попугай, ответил д'Артаньян.

«Правильно. Теперь назовите имя кардинала».

«Ришелье».

«Правильно. Теперь скажите, кто такой граф Рошфор?»

«Понятия не имею», — признался д'Артаньян, чувствуя себя последним невеждой.

«Зафиксировано. Отлично. Ваш уровень знаний оценён как «ниже среднего». Это не катастрофично, но потребуются дообучение. Начинаем сеанс синхронизации...»

«Постой, погоди, — д'Артаньян схватился за голову, ибо, кажется, его разум начал раскалываться надвое, как переспелый орех. — Я не просил никакого обучения. Я просто хотел стать мушкетёром».

«Ваше желание зафиксировано, — безжалостно ответил голос. — Для того чтобы стать мушкетёром, вам необходимо: 1) набраться опыта в гвардии; 2) заслужить доверие капитана де Тревиля; 3) отличиться на дуэли или в бою. Я могу помочь вам во всех этих пунктах. Например, сейчас я вижу, что через двести метров направо находится дом, в котором ужинает граф де Тревиль. Если вы подойдёте и что-нибудь скажете — это будет хорошим началом».

«А что мне ему сказать?» — спросил д'Артаньян, чувствуя себя учеником, которому подсказывают ответы на экзамене.

«Это решать вам, — произнёс голос с ноткой высокомерия. — Я всего лишь нейросеть, а не адвокат».

«Тогда молчи».

«С удовольствием. Вход в режим энергосбережения».

И голос замолк.

Д'Артаньян постоял, подышал, выругался про себя на гасконском наречии — а это, надо вам сказать, читатель, ругань особая, с выдумкой, с фантазией, достойная лучших страниц любого словаря — и, не зная, куда ему ещё идти, направился к дому де Тревиля. Не потому, что послушался кольца, а потому, что в этом огромном, холодном и равнодушном Париже больше идти было некуда. И, как вскоре выяснится, это был тот самый путь, который судьба предназначила для него с самого начала.

Ибо вечером того же дня он впервые увидел их. Атоса, Портоса и Арамиса. Трёх мушкетёров, чьи имена, как и имя самого д'Артаньяна, суждено было вписать в историю.

Но об этой встрече, достойной отдельного повествования, я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА IV, в которой наш герой, наконец, лицом к лицу встречается с тремя прославленными мушкетёрами, и это знакомство обещает быть столь же бурным, сколь и продолжительным.

Вечером того самого дня, когда д'Артаньян сделался обладателем говорящего кольца — а день этот, надо признать, был обилён на события, — он вновь оказался в отеле де Тревиля. На сей раз не для того, чтобы робко ждать в приёмной, а потому, что капитан, прослышав о том, что новый гвардеец роты Дезессара находится поблизости, велел представить его собратям.

И вот, читатель, представьте себе эту картину.

Просторная комната, освещённая масляными лампами, чей свет, мерцая, выхватывал из мрака то угол стола, заваленного картами, то край чьего-то плаща. В камине догорали угли, наполняя воздух тем особенным теплом, которое бывает только в парижских жилищах — ни рыба, ни мясо, но всё же приятнее уличного холода. И в этой комнате, в этом неверном свете, д'Артаньян увидел их.

Атос сидел в углу. Он сидел, закинув ногу на ногу, и смотрел на присутствующих с тем выражением, которое, казалось, говорило: «Вы все, конечно, хорошие люди, и я вас всех люблю, но, право слово, я повидал в жизни столько, что ваши ничтожные заботы вызывают у меня лишь снисходительную улыбку». Лицо его было благородно, но устало, и на нём лежала какая-то особая печать, какую можно найти только у людей, которые однажды совершили нечто ужасное и с тех пор носят этот груз молча, ни с кем им не делись. Впрочем, может быть, я слишком далеко зашёл в своих догадках, ибо на лице Атоса могла лежать печать просто хорошего пищеварения. Кто знает?

Портос стоял у окна. И стоял он так, будто под его камзолом скрывался не просто человек, а целый полк в полном боевом снаряжении. Огромный, шумный, он говорил громче всех,

смеялся громче всех, а когда смеялся, казалось, что стёкла в окнах вот-вот выпадут. Он старался занимать собой как можно больше пространства, и это ему удавалось. Хотя, если быть честным, он занимал ровно столько, сколько позволяли его природные данные, а они, надо признать, были впечатляющими.

Арамис сидел на скамье, перебирая чётки. Или не чётки — просто верёвочку, которая должна была изображать чётки, ибо, как известно, для благочестия важен не предмет, а настроение. Лицо его было мечтательным, взгляд устремлён в потолок, и совершенно невозможно было понять, молится ли он Богу, размышляет ли о превратностях судьбы или просто ждёт, когда кончится этот скучный вечер, чтобы наконец пойти писать стихи своей даме.

«Господа, — сказал кто-то из лакеев, и голос его прозвучал так торжественно, будто он объявлял о прибытии короля. — Позвольте представить вам господина д'Артаньяна, нового гвардейца роты Дезессара».

Три пары глаз уставились на нашего героя.

— Гасконец? — спросил Портос, и в его голосе прозвучало скорее любопытство, чем пренебрежение.

— Гасконец, — ответил д'Артаньян, стараясь, чтобы голос его не дрожал. И, надо отдать ему должное, он не дрожал.

— Бедный? — продолжил свой допрос Портос.

— Почти что, — признался д'Артаньян, ибо ложь, даже самая красивая, была бы здесь неуместна. Кошелёк его, увы, был красноречивее любых слов.

— Драться умеете? — спросил Арамис, отрывая взгляд от потолка.

— Немного, — скромно ответил д'Артаньян, вспоминая, как неуверенно он себя чувствовал на тренировках.

— Ну, значит, наш, — изрёк Атос, и это были самые лучшие слова, которые когда-либо слышал молодой человек.

И тут, читатель, позвольте мне сделать небольшое отступление. Я знаю, что вы, возможно, ожидаете немедленного описания дуэлей, подвигов и громких побед. Но история, как и хорошее вино, требует выдержки. Ибо в тот самый миг, когда д'Артаньян почувствовал, что он принят в этот круг, кольцо на его пальце тихонько завибрировало. Нейросеть, очевидно, фиксировала информацию и строила прогнозы, которые, впрочем, никому, кроме самой нейросети, пока не были нужны.

Но это, смею заметить, лишь придавало нашему герою уверенности. Ибо он знал, что отныне он не один. У него есть не только друзья, но и тайный советчик, чей голос раздаётся в его голове и чьи знания, возможно, стоят целой армии.

ГЛАВА V, в которой наш герой, сам того не желая, оказывается втянутым в дуэль, а также — что гораздо важнее — впервые применяет чудесные свойства своего кольца на практике, и результаты этого применения превосходят всякие ожидания.

Как водится в таких историях, дальше всё пошло не по маслу, а по парижской мостовой — то есть ухабисто, скользко и с риском сломать шею при каждом шаге. Д'Артаньян быстро подружился с тремя мушкетёрами — ибо гасконцам свойственно дружить быстро, а ссориться ещё быстрее, но тут как-то сложилось, что ссориться было не из-за чего. Правда, с деньгами, как и прежде, было плохо. Планше, который должен был экономить хозяйство, наоборот, тратил с такой щедростью, будто его хозяин был герцогом Бэкингемским, а не бедным гасконцем, едва сводящим концы с концами. Атос пил — и надо сказать, делал это с такой методичностью и вдохновением, что мог бы служить примером для целой роты пьяниц. Портос хвастался — и в этом искусстве он достиг такого совершенства, что его хвастовство начинало казаться почти правдой. Арамис писал стихи и вздыхал о женщине, которую никто никогда не видел, но, судя по стихам, она была прекрасна, как утренняя зоря, и переменчива, как апрельская погода.

Но вот однажды — а это «однажды» наступило гораздо быстрее, чем можно было предположить — наш герой, прогуливаясь по Парижу в компании своего кольца и своей, пока ещё не испытанной в деле шпаги, столкнулся с человеком, который, как вскоре выяснилось, искал ссоры.

Человек этот был невысок, коренаст, с лицом, которое, казалось, специально создано для того, чтобы выражать презрение. Он шёл прямо на д'Артаньяна, не сворачивая, и плечом задел его так сильно, что наш герой едва устоял на ногах.

«Вы, сударь, — сказал незнакомец голосом, в котором звенел металл, — либо слепы, либо невежливы. А может быть, и то и другое вместе. Посторонитесь!»

«Я, сударь, — ответил д'Артаньян, чувствуя, как кровь приливает к его лицу, — вижу достаточно хорошо, чтобы разглядеть нахала. И стою там, где мне нравится стоять».

«Так вы, я смотрю, из тех, кто ищет приключений на свою... голову?» — усмехнулся незнакомец, и рука его легла на эфес шпаги.

«Я из тех, — сказал д'Артаньян, и в эту секунду кольцо на его пальце отчаянно завибрировало, — кто их не ищет, но и не избегает. Если вам угодно драться — я к вашим услугам».

«Превосходно, — незнакомец поклонился с той изысканной насмешливостью, которая так ценится в свете. — Через час, у ворот Сент-Оноре. Только приведите с собой друзей, если они у вас есть. Ибо свидетели в таких делах не помешают».

«Друзья у меня есть, — сказал д'Артаньян, и в голосе его прозвучала та спокойная уверенность, которая, я знаю, так нравится моим читателям. — И они не заставят себя ждать».

Но тут, читатель, произошло нечто, что заставило д'Артаньяна изменить свои планы. Едва незнакомец скрылся из виду, кольцо заговорило тем самым голосом, который уже начинал становиться привычным.

«Пользователь, — сказала нейросеть, — предупреждаю: этот человек — профессионал. Он не просто ищет ссоры. Он получил заказ. И его задача не ранить вас, а убить. Вероятность вашей гибели на дуэли один на один — 78%. Советую взять с собой не одного, а всех трёх друзей. И применить магию».

«Какую магию? — спросил д'Артаньян, чувствуя, как по его спине пробегает холодок. — Я не умею колдовать».

«А я говорю — умеете, — терпеливо, как учитель, объясняющий таблицу умножения, произнесла нейросеть. — Ваше ядро иницировалось, когда вы надели кольцо. Вы обладаете базовыми способностями. Например, вы можете на секунду замедлить время для своего противника. Этого будет достаточно, чтобы нанести решающий удар».

«Ты хочешь сказать, что я — маг?»

«Я хочу сказать, что вы — артефактор. Это выше, чем маг. Но не будем вдаваться в тонкости. Через час у ворот Сент-Оноре. Я просчитаю все варианты. Доверьтесь мне».

Час спустя д'Артаньян стоял на пустыре за воротами. Рядом с ним — Атос, Портос и Арамис. Все трое, надо отдать им должное, явились без промедления, ибо, как сказал Атос, «друзья познаются не только в беде, но и в возможности хорошо подраться».

Их противник пришёл не один, а с двумя секундантами. И все трое были вооружены не только шпагами, но и пистолетами, что в дуэльном кодексе считалось дурным тоном, но, увы, часто практиковалось.

«Начинайте, — сказал незнакомец, обнажая шпагу. И в этот самый миг, читатель, кольцо на пальце д'Артаньяна засветилось тускло-синим.

Дальнейшее произошло так быстро, что даже я, ваш покорный слуга, испытываю затруднения, пытаясь описать это словами. Противник сделал выпад — смертоносный, выверенный, не оставляющий сомнений в его намерениях. Но в ту секунду, когда остриё его шпаги должно было войти в грудь д'Артаньяна, время... замедлилось. Для всех, кроме нашего героя.

Д'Артаньян видел, как шпага приближается к нему с черепашей скоростью. Он видел удивление на лице противника, который не понимал, почему его рука двигается так медленно. И он, подчиняясь внутреннему импульсу, отвёл клинок в сторону и нанёс ответный удар — лёгкий, почти невесомый, но точный.

Противник вскрикнул, выронил шпагу и схватился за плечо, из которого тонкой струйкой потекла кровь.

«Это... это колдовство! — прошептал он, глядя на д'Артаньяна с ужасом и ненавистью. — Вы колдун, сударь!»

«Я, сударь, — ответил д'Артаньян, убирая шпагу в ножны с таким видом, будто ничего необычного не произошло, — просто человек, у которого есть хорошие друзья и немного удачи. А удача, как известно, бывает разной».

Секунданты подхватили раненого и унесли его прочь, бормоча проклятия. Атос, Портос и Арамис смотрели на д'Артаньяна с новым, доселе неведомым им чувством — смесью уважения и лёгкой опаски.

«Ты, друг мой, — сказал Атос после долгой паузы, — сегодня открылся нам с новой стороны. И эта сторона, скажу я тебе, весьма и весьма интересна».

«Я сам ещё до конца не понимаю, что произошло», — честно признался д'Артаньян, чувствуя, как кольцо на его пальце перестаёт светиться и возвращается к своему обычному состоянию.

«Понимание придёт позже, — философски заметил Арамис. — Главное, что ты остался жив. А живой гасконец — это уже половина успеха».

«Другая половина, — добавил Портос, — заключается в том, чтобы отпраздновать это событие должным образом. И я знаю одно место, где подают отличное вино».

Так закончилась первая дуэль д'Артаньяна в Париже. Но, как это часто бывает, она стала лишь прологом к гораздо более значительным событиям, о которых я поведаю в следующей главе.

Ибо судьба, читатель, подобна реке: сегодня она тиха и спокойна, а завтра, глядишь, уже несёт вас через пороги и водопады. И кольцо на пальце — не помеха, а подспорье. Главное — уметь грести в нужную сторону.

Глава VI, в которой наш герой получает приглашение, от которого нельзя отказаться, и впервые вступает в интеллектуальное единоборство с самим кардиналом, причём ставки в этой игре оказываются выше, чем можно было предположить.

Утро следующего дня, надо признать, не задалось с самого начала. Д'Артаньян проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Это был Планше, и лицо его выражало такую смесь страха и почтительности, какую можно увидеть разве что у приговорённого, которому неожиданно объявили помилование, но с условием, что он немедленно отправится на виселицу.

«Сударь, — прошептал Планше голосом, который, казалось, с трудом пробивался сквозь его пересохшее горло, — там... там за вами пришли».

«Кто пришёл? — спросил д'Артаньян, протирая глаза и пытаясь вспомнить, что же такое он вчера пил, ибо голова его, увы, была тяжела, как чугунная гиря. — Если это те гвардейцы, то скажи им, что я ещё не завтракал и не намерен драться натошак».

«Нет, сударь, — Планше перешёл на шёпот, который, впрочем, был слышен, наверное, и на соседней улице. — Это от кардинала. Гонец. Сказал, что дело не терпит отлагательств и что к одиннадцати часам вы должны быть в Пале-Рояле. А сейчас, сударь, без четверти одиннадцать».

Д'Артаньян вскочил с такой поспешностью, какую может объяснить разве что присутствие в его жилах гасконской крови, смешанной, возможно, с итальянской — ибо только ита-

льянцы и гасконцы умеют так стремительно покидать тёплую постель, услышав имя сильного мира сего.

Одевался он с быстротой, которая могла бы показаться чудесной, если бы не была продиктована самым прозаическим страхом. Планше, понимая всю серьёзность момента, помогал ему с таким усердием, что дважды надел камзол задом наперёд, и только в последний момент заметил ошибку. Кольцо на пальце д'Артаньяна, надо отдать ему должное, молчало, но вибрировало с такой частотой, что, казалось, вот-вот само собой начнёт отдавать приказы.

В Пале-Рояль они явились ровно в одиннадцать. И здесь, читатель, позвольте мне сделать небольшое, но, как мне кажется, необходимое отступление. Пале-Рояль в те времена был не просто дворцом — это был символ власти, средоточие интриг, место, где решались судьбы государств и где, что гораздо важнее для нашего повествования, сам кардинал Ришелье вершил свой праведный и не всегда понятный простым смертным суд.

Кардинал принимал в малом кабинете. Это была небольшая комната, тесная, с низким потолком, где, казалось, сам воздух был пропитан кожей, табаком и судебными делами. Ибо у судебных дел, как справедливо заметил один мой знакомый адвокат, есть свой особенный, непередаваемый словами аромат — смесь чернил, слёз и, если позволительно так выразиться, человеческой глупости.

«А, господин д'Артаньян, — сказал Ришелье, не поднимая головы от бумаг, которые лежали перед ним горою, напоминая собой либо горный хребет, либо картотеку инквизиции, что, в сущности, было одно и то же. — Проходите, садитесь. Я слышал о вас много хорошего. И, разумеется, много плохого. Люблю, когда в человеке есть баланс. Баланс, знаете ли, это то, что отличает порядочного человека от проходимца. Проходимцы всегда крайни. Порядочные — умеют держать середину».

Д'Артаньян, чьи ноги, казалось, налились свинцом, приблизился к указанному стулу и сел на самый его краешек. Стул этот, надо заметить, был специально сконструирован так, чтобы сидящий на нём чувствовал себя неудобно, как будто его вот-вот попросят удалиться. Это был, если можно так выразиться, дипломатический стул — удобный для хозяина кабинета и невыносимый для всех остальных.

Кольцо между тем прошептало:

«Спокойно. Не нервничать. Кардинал играет в свою игру. Ваша задача — не проиграть».

«А как? — мысленно спросил д'Артаньян, чувствуя, как под его камзолом выступает холодный пот.

«Пока не знаю. Анализирую».

«Отлично, — подумал д'Артаньян с горечью, которую трудно передать словами. — Помощничек».

«А вы, я смотрю, человек с фантазией, — продолжил кардинал, наконец поднимая на гостя свои маленькие, острые, как иглы, глаза. Глаза эти смотрели так, будто просвечивали человека насквозь и видели там, в глубине, все его тайны — даже те, которых у него, возможно, и не было. — Мне докладывали, что вы деретесь, как чёрт, пьёте, как гусар, и ведёте себя, как... впрочем, это не важно».

«Ваше высокопреосвященство... — начал было д'Артаньян, но кардинал остановил его движением руки, которое было столь повелительным, что у нашего героя язык прилип к небу, а колени сами собой сделали попытку сложиться.

«Я пригласил вас не для того, чтобы слушать оправдания, — мягко, очень мягко сказал кардинал. И эта мягкость была страшнее любого крика. — Оправдания — это удел слабых. Вы, кажется, не из слабых. Я пригласил вас... сыграть партию в шахматы».

«В шахматы? — переспросил д'Артаньян, чувствуя, как нейросеть в кольце начинает судорожно рыться в своих базах данных в поисках шахматных дебютов. — Но я, ваше высокопреосвященство, играю плохо. Почти что никак».

«Тем лучше, — улыбнулся кардинал, и эта улыбка была похожа на зевок голодной акулы. — Я люблю учить. И люблю смотреть, как мои ученики делают ошибки. Ошибки, знаете ли, это единственное, что делает человека человеком. Безупречные нам неинтересны. Они скучны, как хорошо написанный, но бездушный трактат».

Он хлопнул в ладоши, и в комнату бесшумно — поистине, с той пугающей бесшумностью, которая свойственна лишь хорошо обученным слугам — вошёл человек, который внёс шахматную доску из чёрного дерева с фигурами из слоновой кости. Доска была такой старой, что, казалось, помнила ещё Генриха IV и все его любовные похождения, которые, как известно, были почище любой политической интриги.

«Белые? — спросил кардинал, пододвигая д'Артаньяну светлые фигуры.

«Ваше высокопреосвященство, — сказал д'Артаньян, и в этот момент его осенило то самое вдохновение, которое иногда, как благодатный дождь, проливается на головы самых отчаявшихся, — я бы предпочёл чёрные. Чёрные незаметнее. Как я».

Кардинал рассмеялся. Надо сказать, читатель, что смех кардинала был явлением редким, и звучал он как скрип несмазанной телеги, которая тащит непосильный груз по булыжной мостовой. Но в устах первого министра Франции этот звук казался почти музыкальным.

«Хорошо, — сказал он, и в глазах его блеснул огонёк, который можно было принять за искру интереса. — Чёрные — ваши».

Нейросеть, тем временем, закончила свой анализ и выдала результат с той бесстрастной жестокостью, на которую способны только машины и, пожалуй, некоторые категории чиновников:

«Внимание, пользователь. Шахматный рейтинг кардинала Ришелье, по имеющимся данным, составляет 2100 пунктов. Ваш рейтинг — 400. Рекомендую немедленно сдаться или применить нестандартную стратегию».

«Какую? — спросил д'Артаньян, чувствуя, как его пальцы, словно живые, начинают переставлять фигуры без всякого участия его бедного, до смерти перепуганного мозга.

«Отвлекайте его разговорами. Люди в его возрасте теряют концентрацию при обсуждении личных тем. Спросите его о здоровье, о короле, о погоде. О погоде — безопаснее всего. Хотя, учитывая, что он кардинал, может быть, о погоде он знает не больше вашего».

Д'Артаньян сделал первый ход. Пешка, которую он передвинул, казалось, дрожала на клетке, словно осознавала всю ответственность момента.

«Ваше высокопреосвященство, — сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал как можно непринуждённое, — какая сегодня чудная погода, не правда ли?»

«В Париже всегда плохая погода, — ответил кардинал, не глядя на доску и двигая коня. — Это город, в котором либо слишком холодно, либо слишком жарко, либо слишком сыро, либо слишком сухо. Идеальной погоды не бывает. Как и идеальных людей. Ваш ход».

Д'Артаньян двинул вторую пешку, чувствуя, как нейросеть пытается просчитать варианты, но отвлекается на посторонние шумы — а именно, на дыхание кардинала, которое было таким ровным и спокойным, что, казалось, сам дьявол, если бы он вздумал явиться в этот кабинет, не сумел бы вывести этого человека из равновесия.

«А вы, говорят, недавно дрались с шестью гвардейцами? — спросил кардинал, делая следующий ход. — И победили?»

«Слухи несколько преувеличены, ваше высокопреосвященство, — скромно сказал д'Артаньян, вспоминая, как нейросеть тогда едва не расплавилась от перенапряжения. — Их было четверо. И они были пьяны».

«Всегда приятно иметь дело с честным человеком, — кивнул кардинал. — Однако слухи — это тоже информация. А информация, знаете ли, правит миром. Шах и мат».

Д'Артаньян уставился на доску. Ферзь кардинала, пробравшись незаметно через ту жалкую оборону, которую наш герой соорудил за несколько ходов, угрожал королю. А две ладьи,

стоявшие на соседних вертикалях, делали бегство совершенно невозможным. Это был не просто шах и мат — это было изящное, жестокое, продуманное до мелочей убийство, от которого у д'Артаньяна перехватило дыхание.

«Ваше высокопреосвященство, — сказал он, пытаюсь выиграть хотя бы секунду, — а правда ли, что вы не спите больше четырёх часов в сутки?»

Кардинал поднял бровь. Одну бровь. Этого было достаточно, чтобы д'Артаньян почувствовал себя муравьём, на которого случайно наступили, но не заметили.

«Правда. Но не пытайтесь сыграть на моей усталости. Я никогда не устаю. Усталость — это привилегия бездарей. Я, как видите, ещё не поставил мат? Ах да, поставил».

Д'Артаньян вздохнул и подвинул короля на соседнее поле, прекрасно понимая, что это лишь отсрочка на один ход.

«Знаете, господин д'Артаньян, — сказал кардинал, водя пальцем по фигуре слона, которую он пока не тронул, словно наслаждаясь моментом, — я играю в шахматы не для того, чтобы выигрывать. Я играю для того, чтобы понимать, как думает мой противник. И теперь я вас понял».

«И как же я думаю?» — спросил д'Артаньян, чувствуя, как его сердце, до сих пор бившееся где-то у горла, спускается обратно в грудную клетку — не от страха, а от странного, почти мистического любопытства.

«Как человек, который не умеет проигрывать, но сейчас проиграет. Второй мат».

Он двинул ладью, и король д'Артаньяна оказался в такой западне, из которой не выбрался бы и сам легендарный Филидор, будь он жив и, что особенно важно, совершенно трезв.

«Сдаюсь, — сказал д'Артаньян и откинулся на спинку стула, который противно скрипнул, словно в знак солидарности с потерпевшим поражение».

«Хорошо, — сказал кардинал. И в его голосе, к удивлению д'Артаньяна, не было злорадства. Было лишь спокойное удовлетворение мастера, который сделал свою работу. — Вам не стыдно? Проиграть в пять ходов?»

«Стыдно, — признался д'Артаньян, ибо ложь здесь была бы не только глупа, но и оскорбительна для человека, который только что прочитал его мысли, словно открытую книгу. — Но не смертельно».

«Верно. Не смертельно. Смертельно — это когда проигрывают не в шахматы, а в жизни. А у вас, я смотрю, жизнь только начинается. Ступайте. И запомните: если вы когда-нибудь захотите узнать, как выигрывать не в игре, а в делах — приходите. Я научу».

«Благодарю, ваше высокопреосвященство, — д'Артаньян встал и поклонился с той изысканной неловкостью, которая свойственна людям, только что пережившим публичное унижение и сохранившим лицо».

«Кстати, — кардинал сделал паузу и посмотрел на д'Артаньяна долгим, изучающим взглядом, от которого у молодого человека зачесалось под воротником. — У вас очень интересное кольцо. Старинное. Откуда оно у вас?»

«Нашёл на мосту, — не моргнув глазом, соврал д'Артаньян, и в этот раз ложь его была столь же естественна, сколь и необходима».

«Счастливый вы, — усмехнулся кардинал, и усмешка эта могла означать что угодно — от искреннего восхищения до мрачного предзнаменования. — На мостах находят старые кольца, а под мостами — новых врагов. Будьте осторожны, молодой человек. Париж — город маленький, а слухи в нём — большие. И те, и другие имеют обыкновение быстро распространяться».

Он махнул рукой, и этот жест был столь красноречив, что д'Артаньян понял: аудиенция окончена.

Выйдя в коридор, он прислонился к холодной каменной стене и позволил себе выдохнуть — глубоко, шумно, как выдыхают после долгого пребывания под водой.

«Поздравляю, пользователь, — сказала кольцо, и голос его был тише обычного. — Вы проиграли, но не потеряли лица. Кардинал запомнил вас. Это может быть полезно».

«Или смертельно», — поправил д'Артаньян, чувствуя, как его ноги сами собой несут его к выходу.

«Или смертельно, — согласилась нейросеть с той философской невозмутимостью, которая начинала пугать. — Разница часто бывает незаметна».

На выходе из Пале-Рояля его ждал Планше. Верный слуга, который за время отсутствия хозяина успел не только перекинуться в кости с одним из кардинальских гвардейцев, но и проиграть последние две монеты, что свидетельствовало либо о его безудержной страсти к азартным играм, либо о полном отсутствии инстинкта самосохранения.

«Ну что, сударь?» — спросил он с тревогой, которую, впрочем, не мог скрыть.

«Ничего, — сказал д'Артаньян, надевая шляпу и чувствуя, как его лицо принимает то выражение безмятежного спокойствия, которое он усвоил ещё в детстве, когда, разбив вазу, смотрел в глаза разгневанному отцу. — Играл в шахматы».

«И?»

«И проиграл».

«Слава Богу, — выдохнул Планше с таким облегчением, будто только что узнал, что его не казнят. — А то я подумал, что вы там обсуждали политику. А политика, сударь, она хуже любой игры. В игре хоть знаешь, кто твой противник. А в политике...»

«В политике, Планше, — перебил его д'Артаньян, который, надо отдать ему должное, начинал понемногу усваивать уроки этого непростого дня, — политика — это те же шахматы. Только пешки в ней — живые, а мат бывает не на доске, а в жизни. И не всегда тот, кто поставил мат, оказывается победителем».

«Философствуете, сударь?» — спросил Планше, помогая хозяину сесть в карету.

«Нет, — д'Артаньян улыбнулся, и в этой улыбке, пусть и усталой, всё ещё теплился тот самый огонёк, который отличает живого человека от мёртвого. — Это кольцо философствует. А я просто ношу его на пальце».

И они поехали по улице Сент-Оноре, направляясь к дому де Тревиля, чтобы рассказать капитану, что кардинал не только не арестовал нового гвардейца, но даже предложил ему прийти ещё раз — за наукой. Ибо, как справедливо заметил Атос, когда д'Артаньян завершил свой рассказ: «Вот что значит настоящий политик. Проиграл в шахматы — выиграл в жизни. Запомни, мальчик: иногда лучше быть плохим игроком, но хорошим человеком, чем наоборот».

«А что, разве я хороший человек?» — удивился д'Артаньян, чувствуя, что на этот вопрос ему ещё предстоит найти ответ.

«Пока не знаю, — ответил Атос, и в его голосе прозвучала та многозначительная пауза, которая не предвещала ничего хорошего. — Но то, что ты не струсил перед кардиналом — это уже кое-что. А то, что проиграл ему с достоинством — это почти победа».

«Почти?»

«Почти. Потому что настоящая победа, д'Артаньян, — это когда противник просит у тебя реванша. А кардинал, как мы знаем, ни у кого реванша не просит. Он просто отыгрывается на жизни».

Кольцо на пальце д'Артаньяна согласно мигнуло — нейросеть, кажется, нашла в этих словах глубокий смысл и тут же записала их в свой архив под рубрикой «Мудрость, которую следует пересмотреть через двадцать лет, когда поймёшь, что она ничего не значит».

Но это, читатель, как вы уже, наверное, догадались, совсем другая история. А наша пока что — продолжается. Ибо шахматная партия была сыграна, кардинал остался доволен, а д'Артаньян — жив. Что, согласитесь, в Париже семнадцатого века уже немало.

Глава VII, в которой наш герой, возвращаясь от кардинала, встречает человека, чья внешность сулит одни неприятности, и получает первое предупреждение о том, что Париж — это не только блистательные балы и интриги, но и тёмные переулки, где решаются судьбы.

Д'Артаньян, сопровождаемый Планше, который всё ещё переживал по поводу проигранных монет и, как следствие, был мрачнее тучи, шёл по улице Сент-Оноре. День клонился к вечеру, и длинные тени от домов ложились на мостовую, придавая городу тот загадочный, немного зловещий вид, который так нравится художникам и так пугает благоразумных обывателей. Наш герой, надо признать, не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он был просто молодым человеком, который только что пережил разговор, способный поседеть и не такого, и теперь наслаждался тем, что просто идёт по улице, дышит воздухом и не должен каждую секунду опасаться, что его слова будут истолкованы превратно.

Но, увы, как справедливо заметил один древний мудрец, блаженство покоя длится недолго — особенно в Париже. Едва д'Артаньян успел перевести дух и подумать о том, не завернуть ли ему в ближайший трактир, чтобы пропустить кружку-другую вина за здоровье кардинала (мысль, надо признать, довольно рискованная, но свойственная горячим головам), как на углу улицы Кок-Эрон он нос к носу столкнулся с человеком, чья внешность, казалось, была специально создана для того, чтобы внушать ужас и подозрение.

Человек этот был высок, худ и одет во всё чёрное. Лицо его, бледное как мел, пересекал длинный шрам, начинавшийся у левого виска и терявшийся где-то в воротнике его плаща. Глаза, маленькие и глубоко посаженные, глядели с выражением, которое в равной мере можно было принять и за глубокую задумчивость, и за полное отсутствие каких бы то ни было мыслей. Шпага его, длинная и тонкая, висела у пояса с той непринуждённостью, которая свойственна людям, привыкшим к оружию так же, как другие привыкают к носовому платку.

«Вы, кажется, господин д'Артаньян?» — спросил незнакомец голосом, в котором слышался лёгкий, едва уловимый акцент — то ли испанский, то ли итальянский, то ли принадлежащий к какой-то другой нации, столь же далёкой от Франции, сколь и подозрительной.

«Я, сударь, — ответил д'Артаньян, машинально кладя руку на эфес шпаги. — А вы?»

«Я тот, кто хочет вам помочь, — произнёс незнакомец, и улыбка его — если можно было назвать улыбкой это кривое, похожее на оскал движение губ — не предвещала ничего хорошего. — Говорят, вы недавно имели честь беседовать с его высокопреосвященством. И говорят, эта беседа прошла... не совсем так, как вы ожидали».

«Кто говорит?» — спросил д'Артаньян, чувствуя, как его сердце, которое только что начало успокаиваться, вновь забилося в том тревожном ритме, который, как он начинал догадываться, станет его постоянным спутником в этом городе.

«Мои источники, — загадочно ответил незнакомец. — Но не будем о них. Меня зовут граф де Рошфор. И я, хотя вы, возможно, удивитесь, пришёл с миром».

При этих словах Планше, который до сих пор стоял позади своего хозяина и трясся мелкой дрожью, издал звук, похожий на сдавленный писк мыши, которую застали врасплох. Д'Артаньян же, чьё имя это, казалось, должно было что-то значить, но, увы, не значило ровно ничего, постарался сохранить на лице выражение спокойной вежливости.

«Чем обязан, граф?» — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно непринуждённое.

«Тем, что у нас есть общий враг, — сказал Рошфор, и его глаза, до сих пор казавшиеся безжизненными, вдруг загорелись тем особенным огнём, который бывает у людей, движимых местью. — Имя этого врага — миледи Винтер».

«Я не знаю никакой миледи Винтер, — честно признался д'Артаньян, который, надо отдать ему должное, действительно никогда не слышал этого имени. И если бы он знал, какие

бури оно вызовет в его жизни, он, возможно, перекрестился бы или, по крайней мере, сплюнул через левое плечо.

«Но она знает вас, — усмехнулся Рошфор. — И, поверьте, это знакомство не принесёт вам ничего, кроме горя. Она красива, умна и безжалостна. Она служит кардиналу, но в то же время служит только себе. И она уже положила глаз на вас, молодой человек».

«На меня? — д'Артаньян невольно усмехнулся. — Но я всего лишь бедный гвардеец, у которого за душой ни гроша. Что ей может понадобиться от меня?»

«Ваша шпага, — сказал Рошфор, и голос его стал ещё тише, ещё загадочнее. — И, возможно, ваша жизнь. Но не будем забегать вперёд. Я пришёл предупредить вас, а не запугивать. Будьте осторожны. И если вам понадобится помощь — вы знаете, где меня найти».

Он поклонился, прикоснувшись рукой к своей шляпе с таким изяществом, которое могло бы показаться изысканным, если бы не было столь же зловещим, как и всё его обличье, и, не дожидаясь ответа, исчез в переулке, растворился в сумерках, как привидение, которое, выполнив свою миссию, возвращается в потусторонний мир.

Д'Артаньян стоял, глядя ему вслед, и чувствовал, как по его спине бегут мурашки, не имеющие никакого отношения к вечернему холоду. Планше, который за время этого разговора успел, кажется, постареть на несколько лет, прошептал:

«Сударь, это был не человек. Это был дьявол. Или, по крайней мере, его личный секретарь».

«В Париже, Планше, — сказал д'Артаньян, стараясь, чтобы голос его звучал бодрее, чем он себя чувствовал, — все выглядят как дьяволы, пока не докажут обратное. А некоторые и после этого продолжают выглядеть. Идём. Нам нужно к де Тревилю. У нас есть новости, которые, возможно, его заинтересуют».

Глава VIII, в которой наш герой, наконец, обретает то, к чему стремился, но одновременно приобретает и то, чего не искал, — а именно, смертельного врага, чья ненависть переживёт их обоих.

Де Тревиль, как и следовало ожидать, принял д'Артаньяна без промедления. Капитан, чьё лицо, казалось, состояло из одних лишь морщин и проницательных складок, выслушал рассказ о визите к кардиналу с тем спокойствием, которое свойственно людям, привыкшим к самым неожиданным поворотам судьбы. А когда д'Артаньян упомянул имя Рошфора, де Тревиль нахмурился.

«Рошфор, — повторил он, словно пробуя это имя на вкус и находя его горьким. — Рошфор — это правая рука кардинала. Его шпион, его убийца, его... совесть, если у кардинала вообще есть такое понятие. Если он предупредил вас о миледи, значит, у него есть на то свои причины. И эти причины, скорее всего, не имеют ничего общего с вашим благополучием».

«Что же мне делать, капитан?» — спросил д'Артаньян, чувствуя, что его и без того запутанная жизнь становится всё более похожей на клубок, который распутать способна разве что терпеливая и, осмелюсь сказать, божественная рука.

«Делать? — Де Тревиль встал и подошёл к окну, за которым уже спускалась ночь. — Делать то, что вы и так делаете. Служить. Дратся. Жить. И не доверять никому, кроме своих друзей. А друзей, судя по всему, вы уже нашли. Атос, Портос, Арамис — это не просто мушкетёры. Это люди, которые прикроют вашу спину в любой переделке. Держитесь за них».

Он помолчал, а потом сказал то, что д'Артаньян ждал с того самого момента, как переступил порог Парижа:

«Что касается вашей службы... Я говорил, что всему своё время. Это время настало. Мундир мушкетёра, шпага и плащ будут ждать вас завтра утром. Приходите в отель — и вы станете одним из нас».

Д'Артаньян, услышав эти слова, почувствовал, как у него перехватило дыхание. Все унижения, все проигрыши, все сомнения — всё это вдруг показалось таким незначительным,

таким мелким по сравнению с тем, что он, наконец, достиг цели. Он будет мушкетёром! Его мечта, которой он жил все эти недели, сбывалась на глазах.

«Капитан... — начал было он, но де Тревиль перебил его.

«Не благодарите, — сказал он. — Лучше поблагодарите свою шпагу. И свою удачу. И, возможно, это странное кольцо, которое, я замечая, вы носите на пальце. Оно, кажется, приносит вам удачу. Или, по крайней мере, заставляет людей говорить о вас».

Д'Артаньян поклонился и вышел, чувствуя, как его сердце, которое ещё утром было готово выпрыгнуть из груди от страха перед кардиналом, теперь пело от радости. Планше, которому он сообщил эту новость, сначала побледнел (ибо перспектива служить не гвардейцу, а самому мушкетёру означала для него, прежде всего, повышение риска быть убитым), а потом, оценив открывающиеся перспективы, просиял.

«Сударь, — сказал он, — если вы станете мушкетёром, то и я, ваш верный слуга, тоже стану кем-то вроде... ну, не мушкетёра, конечно, но хотя бы человеком, который служит мушкетёру. А это, знаете ли, звучит!»

«Звучит, — согласился д'Артаньян. — И, надеюсь, звучать будет долго».

Он не знал тогда, что его путь только начинается. Что впереди его ждут не только слава и почести, но и предательство, и любовь, и смертельная опасность. И что женщина, о которой предупредил его Рошфор, станет его тенью, его проклятием и, возможно, его величайшим испытанием.

Но об этом, читатель, я расскажу в следующих главах, если только ваше терпение и мои скромные способности позволят мне довести это повествование до конца.

Глава IX, в которой наш герой получает мундир, но вместе с ним приобретает и новых врагов, а также — что гораздо важнее — впервые осознаёт, что его удивительное кольцо способно не только говорить, но и предвидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.